

Александр Ожиганов

В ПОИСКАХ СВЯЗУЮЩЕГО ЗВУКА

№21 1997

I. "В ЧЕРТЕ ОСЕДЛОСТИ"

Из этой жизни некуда уйти,
Заделан вход, и крылья перебиты.
С.Лейбград

"Человек, опираясь только на интеллект, считал Бергсон, может смотреть, но не видеть, и получает... "практически-упрощенное представление о действительности" ("Цирк "Олимп", N3, 1996). На что бы ни опирался Сергей Лейбград, но, кажется, и его "глаз схватывает не саму индивидуальность, то есть гармонию форм и красок, но только одну или две черты" (А.Бергсон), точнее, царапины:

И скользит как по льду, неразумно царапая зренью,

Существующий мир. На углу существо и растение.

Закрываю глаза. И царапины вижу в глазах.

По мнению философов, у нормального (читай: примитивного, массового) человека интуиция придавлена интеллектом, служащим ЛИШЬ для того, чтобы жить и действовать. Но если, по точной формулировке Цветаевой, "жизнь - это место, где жить нельзя", то, вопреки Бергсону, и интеллект бесполезен, и как ни воспринимай действительность, она царапает зренью НЕРАЗУМНО. Почему же в стихах Лейбграда нет никакого, пусть хоть практически-упрощенного, представления о действительности? Краткий ответ таков:

Опущены веки, и можно в конце-то веков
Признаться (послушай - но я ведь еще не готов),

Что нет ничего и поэтому нечего вспомнить.

НЕТ НИЧЕГО ("Но вакуум сухой, как Аввакум, // Берет свое - и никаких лакун.") и НИКОГО ("И позвонить-то некому в России"), в том числе и тебя ("Я уничтожен, я никто..."). Исчезновение реальности не выдумка постмодернистов. Может быть, что-то случилось со зрением, но и смотреть-то ведь не на что: "На каждой из возможных плоскостей // Присутствия - мне мыслится творенье, // Способное быть зрителем и боль / Испытывать, поскольку кроме боли // Мне вряд ли что даётся."

Но в том-то и дело, что присутствие (как возможность) может лишь мыслиться (или сниться), но не быть. Что же ЕСТЬ? Решение, чтобы быть верным должно быть художественным, как красота и изящество выкладок в математике предопределяет, как правило, верный ответ. Иначе обращение к "себе любимому" приводит лишь к распылению на множество персонажей:

МОМЕНТАЛЬНИКОВ Эчеленца, прикажите!

Стыд природный невелик.
(Аппетит наш невелик)
Только хлеба-зрелищ нам дадите,-

Все похвалим в тот же миг
(Изругаем в тот же миг)

ПОБЕДОНОСИКОВ Очень хорошо! Все есть!

МАЯКОВСКИЙ Бьем грошом. Очень хорошо!.. Лавки сияют...

Да, лавки сияют, и все есть. Не знаю, с каким измом ассоциирует себя Лейбград, но именно отрицание победоносиковского "все есть!" и постмодернистского "все есть текст!" и дает возможность говорить о нем без добавления слова "поэт" и какого бы то ни было "-ист". Ибо если поэт, то - реалист. И наоборот.

Хотя бы уже потому, что "мир искусства тем и замечателен, что ближе к реальности, чем остальные миры" (М.Айзенберг), "реализм - это система творчества, где художник правдив наедине с собой" (Арсений Тарковский). А то, что Лейбград правдив наедине с собой - в своих стихах - не вызывает сомнений. И это - главное. Исчезновение реальности - тоже реальность, как это ни толковать, и хотя поэт не ученый, он тоже фиксирует и исследует эту странную данность: отсутствие.

Отсутствие событий ("Событий с гулькин нос - не Гоголь с Гулливером").

Отсутствие пространственно-временного континуума ("Пространство мертво без страстей, // Пристрастий, суставов, локтей." и "Мы в расчете. Расстанемся с миром, // Потому что пространство ничье. // Но отрезано черным пунктиром // Неизбежное место мое.")

Отсутствие связей между вещами и самих вещей, их абстрактность ("На углу существо и растение.")

А в сыром помещении мусор, табак и вода,
Отношенья разорваны: вот - замети на совок.)

Отсутствие (или насильственность) бытия ("Я вынужден, я занимаю нишу"), НЕСМОТРЯ на его невозможность ("Я вырос на бетонной полосе") и фактический запрет ("Запрещено на здешних перекрестках, // На всех скрижалях, всем постамам ГАИ").

Круг Кафки, та абсурдная - прозрачная, но непреодолимая - "черта оседлости", внутри которой некому не на что - оседать ("Кого - Беломорский канал, // Меня коридор доканал, // В который впадают, как в море, // Из каждой дыры по конторе...; Коридор, коридор... И кого мне спросить, / Как вошел я сюда и как выйти отсюда?").

Спросить некого. Единственный голос - голос автора - ровен, бел, не обращен ни к кому, а витает по кругу. И если врывается вдруг какой-то другой - чужой - голос, то только, чтоб гаркнуть "Встать!" и пригрозить: "И не суйся. // А то не то..." Но и этот чужой голос или топот ног по лестнице ("Не ко мне...") скорее всего - только эхо.

Никто не угрожает. С мертвой точки,
В которой умер, а затем воскрес,
Сдвигаюсь без вражды и без рассрочки,
И понимаю истины бельмес.

Отсутствие мира вовне предопределяет безрезультатность оглядки на себя ("Что же есть ты, любимое я, // Только временный знак карантина, // Только облик, обличье, личина, // Только грубая грань бытия.")

Мир и я - это не просто сообщающиеся сосуды, а сложная система сообщения этих сосудов, и выдавливание реальности из одного не увеличивает ее наличие в другом.

Мне хочется в провинции любой
Другой, несуществующей на свете,
Всю жизнь прожить, не встретившись с тобой,
Глаз не подняв и словом не ответив.

"Я хочу в другое место, в действительности это то самое "стремление-к-другой-звезде", но мне было бы достаточно стоять вплотную около самого себя, мне было бы достаточно, если бы место, на котором я стою, я мог воспринимать как другое место" (Ф.Кафка).

II. "РОДИНА САРДАНАПАЛА"

Филистимляне, звери на стропилах...
С.Лейбград

Сияясь сдвинуться с мертвой точки, достигнешь того, что лишь больше в нее сжимаешься, и не можешь иначе не потому, что ты здесь стоишь, а потому, что стоять, собственно, не на чем, и выбор заведомо невозможен.

Едва переметнувшись за черту,
Жизнь, точно зверь, испуганно уходит

В кустарник, в перелесок, в темноту...

На Волге штиль, Россия в челноках
и иноках, понятно все, как дважды
два...

Но все, что понятно, ничему не равно и равно ничему. Таков "бельмес истины", неприемлемый для того, кто не склонен утешаться расчленением трупов и текстов. "Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником" (Чехов). Лейбград, "понимая", не может, не хочет понять бельмес такой истины и вопрошает, догадываясь, что ответа, скорее всего, не будет: "Боже правый, // Как вышло так, что не было меня?" Парадокс в том, что если я = я, то я -> 0, и Гоголь отнюдь не лукавил, когда уверял, что все эти плюшкины-собакевичи - в нем. Ведь они и - одновременно! - в России, ибо я не могу быть нигде: нигде меня нет. Реализм не копирование действительности, не конструирование искусственного дубликата живой (доступной и явленной всем) реальности, а поиски (часто почти безрезультатные) утраченной - распыленной или слипшейся в ком-реальности. И эти поиски начинаются с первой же книги Лейбграда "Своя чужая душа": "Мне б за руку, за ветку, за косяк, // Пусть пальцы в кровь, но только зацепиться." Однако любые усилия смехотворны.

Патриотических сил лошадиных
Не достает, чтоб всерьез увлекаться.
Всякий, кого еще здесь пощадили -
Может остаться.

Но где - здесь? И кого - пощадили? Попытка ответить на эти вопросы порознь приводит к почти гоголевскому: "Сознание, индивидуальность, душа... Боже мой, сколько гадости скрывается в этих словах." Ведь хотя "Я не актер, чтоб разыгрывать шизофрению, // Но просыпаться в России - мой истинный крест." Но одновременно это два разных вопроса: "Что же есть ты, любимое я?" и "Что такое Россия?" Мы почти завидуем Мандельштаму, сказавшему: "Мы живем, под собою не чуя страны." Мы уже не имеем права так говорить. Не чуем? - конечно. Но кто эти "мы"? Что значит "живем"? И о какой "стране", собственно, речь? "Намордники, Мордовия, Мария- // Эл..."

И я тянусь, отшатываясь снова
От запаха и голоса чужого.

Поэтому "я выходец из гущи // Кофейной, мое имя - имярек." Поэтому о Куйбышеве.. Самаре?.. только и сказано (а кажется, слишком много): "Все больше город, больше и страшней." Поэтому: никто не может остаться - здесь никого НЕ пощадили, и все "мы запрещены // и замкнуты судьбой военнопленной." В пункте N, или в пятом пункте, или в каком там еще? - просто в пункте, в абстрактной точке, в пункте "Россия", "Земля", "Вселенная".

До Волги нам рукой подать,
Но мы не подадим.

В печатном тексте пушкинского романа две строфы, посвященные поездке Онегина по Волге, заменены единственным словом: "Тоска!.." Окружающая среда - это звучит угрожающе. "Не то, что мните вы, природа." А что? "Природа - это страх, - отвечает Лейбград. - Позволь остаться трусом." Ян Сатуновский предложил "2 октября 1973, дома":

"Свободу" надо раскавычить.
Россию можно закавычить:

Но Россия давно закавычена - заколочена, мы все - пограничники и казаки, нам страшно: спрячьте нас в БТР-ы! "Хорошо от сердца отрывать // То, что именуется отвага, // Хорошо в дольменах ночевать, // Просыпая родину и мать, // И отца, и сына, и святого // Духа..."